

Российская Академия Наук
Институт философии

ОРИЕНТИРЫ...
Выпуск 3

Москва
2006

УДК 18
ББК 87.8
О-65

Ответственный редактор

доктор филос. наук *Т.Б.Любимова*

Рецензенты

доктор филос. наук *Н.А.Кормин*

доктор филос. наук *Т.В.Кузнецова*

доктор филос. наук *О.Д.Куракина*

О-65 **Ориентиры...** Вып. 3. — М., 2006. — 268 с.

Третий выпуск сборника «Ориентиры...» посвящен проблемам метафизики и антропологии. В нем затрагиваются и вопросы самого общего философского плана, и более конкретные вопросы метафизики человека в философских концепциях Востока и Запада, соотношения метафизики и религии, значения метафизических и антропологических идей в русской философии и литературе. Затрагиваются также некоторые моменты взаимодействия культур и единства различных культурных традиций.

Введение

Этот выпуск нашего сборника посвящен теме «Метафизика и антропология». В сущности, любое философское учение при построении своих теорий имеет в виду эти «пределы», самые основополагающие идеи о человеке и мире, но только в различной степени проявляет их. Метафизика получила свое имя, на первый взгляд, случайно, но оно как-то очень ей подошло; те вопросы и те категории, которые Аристотель рассматривал в своей «Метафизике», на все времена сохранили свою значимость для философии, которая уже невозможна без метафизики. Однако аналогичный взгляд на мироздание не был присущ исключительно западной мысли; традиционные учения стран Востока, которые не могут быть названы ни религиозными, ни философскими (в западном смысле слова), тоже являются метафизическими, и может быть, даже в большей степени. Поэтому главной теме сборника было придано еще одно направление размышлений: Восток и Запад. Очевидно, что восточная метафизика отличается от западной не только по своей форме, по используемым в ней понятиям и категориям, по обсуждаемым в ней проблемам. Они различны даже по способу своего существования. На Востоке ею пронизаны вся ментальность населяющих его народов и их культура — на Западе, напротив, ей отведено определенное место внутри философии, ее рассматривают как часть философии, она здесь принципиально теоретична. Это только самое первое, поверхностное различие. Понятно, что противопоставление Востока и Запада берется не в строго географическом смысле, а скорее, в культурно-историческом и духовном. Под «Западом» имеется в виду современная цивилизация. Страны Востока гораздо дольше сохраняли связь с духовными и метафизическими принципами как в своей культуре, так и в самом образе жизни. Современная же западная ментальность почти полностью охвачена метафизической глухотой, метафизические истины для нее не просто пустой звук, а они для нее почти не существуют. На эти истины не ориентированы ни сам социум и его институты, ни частная жизнь, ни общественная психология и ее стандарты. Разумеется, что и на Западе нет недостатка в великих мыслителях, мудрецах, мистиках. Но если не устремляться в глубь веков, то для XIX—XX вв., т.е. для времени вспышки научно-технического прогресса и связанного с этим развития общества потребления, становится заметным и даже характерным то, что все крупные философы и мистики, склонные к метафизическим исканиям, находились если не под влиянием восточных доктрин, то по крайней мере были достаточно хорошо с ними знако-

мы. Для того, чтобы углубиться в суть этого вопроса, нужно проделать большую исследовательскую работу. Некоторые моменты этой темы затронуты в статьях нашего сборника.

Глубокие различия существуют и в понимании сущности человека, его метафизического начала. Сравнивать антропологические концепции Запада и Востока — задача еще более неблагодарная, но она совершенно необходима. Она вызвана не только тем, что историческое столкновение разного типа культур, активный период которого начался несколько столетий назад, еще не пришел к своему завершению. Проекты глобализации могут оказаться не менее утопичными, чем проекты «вечного мира» на основании договоров или «светлого будущего» на основе совершенствования социальных отношений. Ведь на самом деле, воистину утопическими представляются начинания, опирающиеся только на явные, доступные наблюдению тенденции, без знания их скрытой, метафизической сущности. Необходимость подобных исследований определена прежде всего задачей понимания и общения. Очевидно, что все разнообразные культуры народов мира представляют собою как бы ветви одного ствола, но ветви, иногда очень далеко разошедшиеся. Даже если весь мир будет говорить на одном языке (чего вряд ли можно ожидать), пользоваться одной валютой, одинаково одеваться и питаться, все равно никакого понимания и согласия нельзя будет достичь без знания неясных высших причин существующих принципиальных различий. Представляется, что различия эти носят не случайный характер, и здесь не обойтись политикой «сохранения малых народов» и уходящих культур.

История столкновения Востока и Запада является поистине драматичной. Грубая колониальная политика, надо надеяться, не совсем уничтожила традиционный восточный дух, во всяком случае, он как бы воскресает в западных мистических учениях, конечно, с разной степенью подлинности, но все же остается узнаваемым. Оставим в стороне строго научные востоковедческие исследования, но нельзя не вспомнить об опыте усвоения восточной мудрости, например, в России. В.С.Соловьев ездил за мудростью в Египет! Е.П.Блаватская путешествовала по многим странам Востока, была даже в Центральной Африке, и, обладая незаурядными способностями к мистике и эзотерическому познанию, оставила большое литературное наследие, повлиявшее на эзотеризм XX века. Продолжатели созданного ею теософского направления Е.Н. и Н.К.Рерихи создали свой «Восток на Западе». Вот как пишет об их миссии исследовательница западного мистицизма Э.Вандерхилл: «Для многих людей, как в России, так и во всем мире, творчество Рерихов стало своего рода мистическим мос-

том между Индией и Европой... Это превосходное введение в духовную культуру Востока, стремящееся передать не столько мертвую букву, сколько сам живой дух восточной мудрости; и это введение тем более ценно, что написано людьми, посвятившими Востоку всю свою жизнь и, при всей своей высокой образованности, свято верившими в его чудеса и тайны¹. Вообще, русская духовная традиция богата разнообразным мистическим опытом, отнюдь не исчерпывающимся официальной религиозной доктриной. В прошлом веке среди наиболее самобытных ее представителей называют К.Э.Циолковского, Г.И.Гурджиева, П.К.Иванова, Д.Л.Андреева; эти имена хорошо известны, но нельзя сказать, что их роль и доктрины достаточно осмыслены в нашей философии.

В XX веке, как в России, так и в Европе, а затем и в Америке увлечение восточными учениями становится уже модой. Мы не будем здесь перечислять имена множества учителей, прибывающих из стран Востока. Они пользуются разной степенью популярности и сами являются личностями разного масштаба. Прежде, чем давать этому явлению какую-нибудь оценку (объективную, а не «партийную», защищающую чью-то частную позицию), необходимо более пристально всмотреться, что осталось от метафизического принципа на Западе и осталось ли вообще что-нибудь, и как этот «остаток» мог бы сочетаться с традиционными учениями Востока.

Существует еще один мотив обращения к этой проблематике. Поиск единства различных культур, религий, а также поиск единства познания, которое характеризуется настоящей потребностью в междисциплинарных исследованиях, требует не синкретического (т.е. соединение несоечетаемого) смешения, которое происходит ныне, а согласования на основе единых метафизических принципов, скрыто присутствующих в любой религии, культуре, в любом знании. Только обращение к метафизике, сколь ни было бы оно затруднено в настоящее время, откроет путь к решению этой задачи.

Вопросы, которых мы здесь едва коснулись, требуют очень внимательного рассмотрения, они очень важны и вызваны к жизни самим духом времени. Метафизика и антропология, Восток и Запад – вот тот невидимый перекресток направлений, в котором сходятся размышления авторов нашего сборника.

Т.Б.Любимова

¹ *Вандерхилл Э.* Энциклопедия мистики XX века. М., 2001. С. 284.

Идея сверхчеловека в культуре

Проблема сверхчеловека имеет общекультурный характер и общечеловеческое значение, несмотря на то, что само понятие «сверхчеловек» принадлежит по преимуществу к европейской культурной традиции. Представляется, что в настоящее время данная проблема приобретает новую и особую актуальность в связи с развитием как новых социоцивилизационных стратегий, так и новой экспериментальной техники и новых медико-генетических технологий, с одной стороны, и одновременно — с другой стороны — с практически полным элиминированием этической проблематики из сферы науки, даже непосредственно затрагивающей перспективы существования человека. Кроме того, ныне понятие «сверхчеловек» чаще всего предстает в версии «супермен», что отнюдь не является синонимом первого и имеет легко ощутимый пародийный характер и иронический оттенок. Это, как правило, образы масскультовских суперменов или странных патологизированных героев постмодернистского искусства и не менее странных сверхсуществ произведений всех видов фэнтези.

В то же время может вообще показаться странным разговор о сверхчеловеке на фоне всеобщей невротизации и своего рода нравственной «шудризации» всего населения. О каком сверхчеловеке может идти речь, когда нормальная человечески достойная жизнь требует от обычного человека сверхусилий? Действительно, если понимание сверхчеловека отталкивается от представления о норме, а норма есть соответствие, адекватность человека условиям окружающей действительности, то быть адекватным существующей действительности и одновременно оставаться нормальным практически невозможно, как невозможно быть адекватным подобной шизофренически рас-

слоенной действительности. Однако именно сама жизнь и делает проблему сверхчеловека актуальной и именно современный контекст сообщает рассмотрению данного вопроса острую проблематичность.

Феномен сверхчеловека не может быть ни однозначно рассмотрен в рамках традиционной «школьной философии» или в категориях «правильной», т.е. по сути сциентизированной науки, излишне формализующей данную проблематику, ни до конца решен в рамках ортодоксальной религии. Больше того, данная проблема не может быть не только решена, но и даже адекватно поставлена в какой-либо лишь одной из этих парадигм. Это не просто комплексная, междисциплинарная тема, но тема прежде всего полиметодологическая, ибо она многослойна и в предметном, и в смысловом плане. Уже сама постановка этой проблемы предполагает обязательное рассмотрение следующих, необходимых «сопутствующих» вопросов: о природе человека; о понимании человеческой «нормы» и способов (видов, параметров) ее «превосхождения» в сверхчеловеке; о цели и смысле человеческой жизни; о направлении и цели человеческой эволюции и т.д. Таким образом, понятие «сверхчеловек» не есть чисто научная категория, это одновременно и понятие религиозно-философское в широком смысле слова, и культурно-гуманистическое, и социо-эвристическое, и, конечно, нормативно-оценочное. Учитывая, что каждый из упомянутых вопросов имеет отдельный дискуссионный характер, а каждое понятие само по себе проблематично, мы в нашей статье не имеем возможности начать рассмотрение нашей *основной* проблемы с традиционного прояснения используемых понятий (начиная с их этимологии) и методологических подходов; наша задача — по возможности структурировать многомерное пространство этой многоаспектной и многозначной проблематики, обозначив ее уровни и аспекты и показав связь с некоторыми экзистенциальными проблемами человеческого культурного существования.

Так, среди возможных аспектов обсуждения проблемы можно выделить следующие: онтологический; психологический; символический, телеологический; трансмутационно-психотехнический, мистико-эзотерический; генетико-инженерный; медико-технологический; антрополого-видовой; гуманистический; футурологический и т.д. Разумеется, это в известной степени условное выделение и способов понимания, и типов «образования» сверхчеловека, ибо при конкретном рассмотрении можно увидеть, что данные подходы отчасти перекрывают друг друга в определенных положениях, какие-то аспекты могут совпадать у разных делений. Однако в сущности своей указанные проявления природы сверхчеловека или же способы ее по-

нимания являются разными. При этом перечисленные способы подхода к данной проблематике далеко не исчерпывают многообразия возможных ее аспектов.

Самое простое и общее определение сверхчеловека подразумевает случай, когда человек в духовном и физическом отношении превосходит возможности человеческой природы. Но здесь, как уже говорилось, мы не можем избежать прояснения вопроса о том, что же является нормальной, обычной человеческой природой, т.е. что принято считать нормой, а что «превосхождением» ее — количественные (усиление каких-либо отдельных качеств или возрастание их числа), например, или качественные показатели, или вообще переход к каким-либо иным параметрам.

Причиной этого оказывается то, что при определении сверхчеловека используются как разные способы понимания нормы, так и разные принципы выделения черт, которые бы характеризовали сверхнормативность. Например, если брать количественные показатели, то их оценка может быть не только очень субъективной, но и колебаться в весьма широких пределах. Йог, воспитавший в себе невозмутимость и сохраняющий спокойствие в любых мыслимых ситуациях, человеку экспансивной культуры может показаться равнодушным истуканом; человек, развивший в себе способность к тонким восприятиям и очень чутко, подобно эоловой арфе, реагирующий на мир, может показаться кому-то невротиком. И т.д. Если же говорить о качественных характеристиках, которые определяли бы сверхчеловека, то и это достаточно размытая область, где порою возможно существование множества пограничных случаев, когда, во-первых, трудно различить проявления еще нормы и уже сверхнормативного, а во-вторых, сложно оценить само новое качество, его соответствие постулируемому образу сверхчеловека. Кроме того, качества при их усилении имеют тенденцию переходить в свою противоположность.

Таким образом, получается, что образ сверхчеловека фактически не обладает объективностью: каждая культура, каждое общество, каждая эпоха и даже всякое оформленное направление мысли, если оно занимается данной проблематикой, строит этот образ в соответствии со своими представлениями о должном или высшем, своими понятиями о ценностях, в согласии, наконец, с господствующими вкусами. Так, например, возможен романтический акцент на понимании сверхчеловека как человека прежде всего *героического*, или гуманистическое его понимание как человека *совершенного* и *гармоничного*, т.е. такого, в котором все составляющие — физическая, нравственно-этическая, психо-духовная — его природы одинаково хорошо

развиты и находятся в состоянии гармонии. Можно понимать сверхчеловека как человека *великого*, у которого сверхразвито какое-то одно определенное качество или способность, иногда даже за счет какого-либо другого или вообще всех остальных. Эволюционисты и футурологи помешают его в *будущее*, полагая, что сверхчеловек явится как продукт эволюции и социального развития человечества. В эзотерико-мистических построениях это *высший* тип человека. В то же время, создавая образ будущего человека, в своих разработках они исходят из представлений настоящего о будущем. Однако будущее «завтра» часто приходит совсем не таким, каким его ожидает увидеть настоящее «сегодня». Подобный идеальный образ иногда объективно не может учесть *возможных тенденций* развития и связанных с этим черт, желательных для будущего; этот образ представляет то, что является желательным сегодня.

Гуманисты, говорящие о вечной и неизменной человеческой природе, трактуют сверхчеловека как идеал человека *вечного*, каков он есть, был и будет, но «очищенного» от недостатков неравномерного развития и «хорошо исполненного». При этом в их идеализирующих концепциях упускается то, что человек в действительности не только многогранен, но и многослоен, даже «многоэтажен». Как человеческий зародыш в своем развитии повторяет все фазы развития предшествующих земных форм, так и сознание человека сохраняет в себе спящие пласты всех предшествующих состояний, а также нераскрытые потенции будущих. Поэтому в человеке присутствуют в той или иной форме проявления всех состояний — от минерала до Бога. «И желания Бога в человеке... не могут быть гармонизированы с инерцией камня..., с сонным переливанием соков в растении..., с зовом крови животного»¹. К тому же развивающийся человек начинает четче осознавать и ощущать всю разносторонность и даже противоречивость своей природы и своей души. Духу все труднее бывает примириться с ограничениями тела, воображению — с ограничениями наличной природы. Воображение, движущееся одновременно в разных направлениях, будет порождать желания и потребности, удовлетворение которых могло бы встретить противодействие как со стороны общества, так и со стороны возможностей самой природы. Таким образом, будущий человек может составить весьма сложную проблему для мира, и его гармонизация с самим собой и с окружением может также оказаться чрезвычайно сложной задачей, несоизмеримой с его силами или возможностями самовосстановления (в том числе и прежде всего экологического) для природы и мира. Создание воспитательно-гармонизирующих и корректирующих программ для подобных

случаев вряд ли окажется по силам другим, таким же сложноразвивающимся людям. Во всяком случае, будущее в своем развитии может оказаться не совсем таким, как представляется людям, верящим в свою вечную и неизменную человеческую природу. Отвлеченные идеализации гуманистических концепций, если довести их до логического конца и попытаться осуществить, чреватые тем, что при их реализации обычно больше проблем возникает, чем решается.

В свою очередь, мистики разных направлений, отчетливо видящие подобную многоуровневость, «многоэтажность» природы человека, склонны утверждать, что сверхчеловек — это *высший* тип человека, который существует одновременно с обычными людьми, но не может быть ими видим; и вообще «все остальное существует для единственной цели — чтобы из массы человечества, ползающего по земле, время от времени возникал и вырастал **сверхчеловек** — а затем покидал массы и становился недоступным и невидимым для них»². Таким образом, обычная человеческая жизнь и история приобретают цель и смысл — явление сверхчеловека; это они, в складывающейся совокупности своей, подвигают вперед все человечество, выступая для него в качестве учителей, пророков, мессий, открывающих новые горизонты, приносящих новый закон или новую истину.

Исторические корни проблемы рассмотрения сверхчеловека в культуре — в имеющихся у разных народов мифах и преданиях о героях, титанах, полубогах. Это, так сказать, героическая версия сверхчеловека, когда человек наделяется сверхвозможностями в связи со своим полубожественным происхождением (например, Прометей или Геракл). Божественное происхождение приписывалось и людям обычного рождения, если за ними признавались особые, сверхобычные заслуги или результаты деятельности. Так, Александр Македонский официально был провозглашен сыном Зевса, Платон — сыном Аполлона, Пифагор — сыном Гермеса и т.д. Европейская культура знает немало образов героя-сверхчеловека, который, имея обычное, несверхъестественное и не возводимое к богам происхождение, как говорят сейчас, «сделал себя сам». Среди них можно выделить следующие типы: всемогущий творец-мастер, гений, каковых знала эпоха Возрождения, например Леонардо да Винчи; знаток тайн природы, ученый-маг, типа Фауста; герой-властитель, правящий людьми, странами, не прибегая к доводам морали или эмоций, руководствуясь исключительно рациональными мотивами, как, например, герои книги Н.Макиавелли «Государь». Это также могли быть сказочные богатыри или рыцари, побеждавшие сказочных драконов и чудовищ, вожди и цари, призванные выполнить какие-либо особые миссии в истории.